

**Значение переоткрытия территории в процессах внутренней колонизации:
отечественный социокультурный опыт.**

Научный руководитель – Карелин Владислав Михайлович

Статенков Артём Денисович

Студент (бакалавр)

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: statenkov@yandex.ru

В данной статье рассматривается несколько исходных позиций, с помощью которых предпринята попытка анализа феномена внутренней колонизации в отечественном социокультурном опыте в XIX в.

Концепция французского историка Ф. Броделя исходит из различия уровней исторического времени (длительности). Направленная на анализ целостной сети структур, она призвана рассмотреть все то, без чего себя не может представить индивид, действующий не только внутри структуры, но и на уровне цивилизации. Нас же прежде всего интересуют процессы коммуникации, распространение и функционирование того или иного типа знания. В своих текстах Бродель ссылается на модели К. Леви-Стросса и М. Мосса, выделяя идею устойчивых структур, мифологем, которые, по мысли Броделя, встраиваясь в большую длительность выстраивают вокруг себя культурный ареал, существующий несмотря на культурные, социальные потрясения [2]. Подобные концепты, в том числе породили феномен структурализма, в котором однако большее внимание уделяется пространственной локализации высказывания посредством включения его в ту или иную дискурсивную формацию, наполненную практиками, выделяя тем самым определенную область знания, не только уже проявленного, но и возможного. Для осуществления подобной модели привычная подавляющая сущность государства переопределяется в позитивную, то есть создающее конструктивное содержание, что и было осуществлено М. Фуко. Также важное значение в этой идее играет феномен интеллектуала, играющего роль своеобразного переводчика между институтом власти и большинством населения, именно они формируют различные артикуляции по поводу культурного содержания цивилизации. Соотношение или же соединение двух вышеуказанных исследовательских программ может позволить соединить пространственно-временные координаты, образуя тем самым продуктивную модель археологии знания.

В отечественной мысли мы можем встретить некоторые пересечения с европейскими концептами, в частности М. Бахтин выделяет внутри художественного текста идею хронотопа, который совмещает в себе локализацию в пространстве и времени посредством движения в хронотопе дороги и концентрации в феномене встречи. Применительно к русскому роману Бахтин отмечает описание внутренней социальной экзотики, которая встречается на пути героя контактной зоны, принятого называть лишним человеком [1]. Для раскрытия понятия стоит обратиться сразу к нескольким исследованиям в сфере постколониальной теории. Так А. Эткнд в своей книге приводит несколько позиций, позволяющих представить механизм внутренней колонизации, связанный как с процессами в области экономики, так и в аспекте культурной экспансии [6], явление которой было описано А. Грамши, также отводившем большое значение роли интеллектуала в построении дискурса. Подобный подход мы встречаем у Э. Саида, ставящего мыслителя во главе аппарата построения образа Другого, посредством которого могла быть достигнута некая консолидация в рамках общества [4].

В отечественном дискурсе феномен ориентализма связан, как кажется, с поиском собственного места в пространстве культурного опыта, с чем связан метод автоэтнографии как формы собственной субъективации и поиска места в культурном ареале цивилизации, с чем напрямую связан путь героев в тексте. На его (текста) же примере мы рассмотрим концепт контактной зоны, который является инструментом для раскрытия феномена культурной разобщенности, ясно наблюдаемый в России после реформ Петра I. Подобная модель описывает зоны контакта ранее разобщенных носителей различного культурного опыта, что зачастую происходит через структурное опосредование: образовательные учреждения, социальные топосы, например, поместье или же в тексте интеллектуала [7]. В тексте, по мысли Эткинда, зачастую сталкиваются между собой Человек Культуры и Человек из Народа, при этом субъектом обычно выступает представитель Культуры [6], который пытается прорваться в народную идиллию, чтобы понять или же разрушить ее устои, классическими примерами чего выступают романы Тургенева «Отцы и дети» и Гончарова «Обломов». Идиллия, определяемая внутри того или иного хронотопа, помогает вычленить характерные для той или иной части населения мифологемы, на фоне которой разворачивается исторический процесс [1]. Обращаясь к историческому дискурсу стоит выделить идею В. Ключевского о непрерывном процессе колонизации, как переоткрытия собственной территории. Главным актором чего стала не только власть, но и интеллектуал, пытающийся в том числе и сквозь собственную биографию проследить различные культурные и социальные сдвиги. Первоначально формировавшийся из дворянства, чей образ жизни активно переустроивался по европейскому образцу с тем, чтобы в дальнейшем его представитель мог выступить в роли носителя или же разносчика новых парадигм устройства жизни [3]. Однако развитие данной группы населения нельзя назвать однонаправленным, так как он оказывался одновременно под влиянием западных идей, но в то же самое время осознавал свою связь с большинством населения, которые относясь к той же национальности, оказывались в колониальном управлении посредством сословного разделения, а также института непрямого правления. Вследствие чего стала формироваться неоднозначная оценка деятельности Петра, а также подозрительное отношение к событиям на Западе.

В связи с вышесказанным стоит вернуться к первоначально заявленной идеи большой длительности относительно отечественного исторического процесса можно рассматривать посредством концепции внутренней колонизации, связанной с переоткрытием собственной территории. Подобное соотношение уровней структур, событийности и цивилизации может открыть новые горизонты в исследовании отечественного социокультурного дискурса: различных форм субъектности, возможностей возникновения различных дискурсивных практик.

Источники и литература

- 1) 1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
- 2) 2. Бродель Ф. Очерки истории/ Пер. с фр. Э. Орловой. - 3-е изд. - М.: Академический проект, 2018. С. 223.
- 3) 3. Ключевский В. О. Подготовка дворянства к роли проводника западного влияния // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией / В 2-х частях. Сост. Н.Г. Федоровский. - М.: Наука, 1994, Часть I. С. 298-300.
- 4) 4. Саид Э. Ориентализм. Спб.: Русский миръ, 2005. С. 639.

- 5) 5. Эткинд А. Внутренняя колонизация. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 448.
- 6) 6. Pratt, M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. New York. Routledge, 1992. P. 275.